

Агафонов А.В., кандидат юридических наук

ПОНЯТИЕ И ФАКТОРЫ ПЕНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

Уголовно-правовая политика любого государства вполне традиционно и довольно неизбежно включает в себя два взаимосвязанных социально обусловленных явления, а именно:

– криминализацию общественно опасного явления и ее антипод – декриминализацию преступления;

– пенализацию и, соответственно, депенализацию.

Крайняя необходимость обеспечения, но в довольно взвешенном соотношении перечисленных нами составных частей уголовно-правовой политики на базе учета основных тенденций развития современных социальных реалий выступает, по мнению большинства авторов, в качестве основного условия эффективности применения в будущем этой государственной политики [1, с. 3].

Идентификация индивидуально обусловленного общественно опасного деяния как преступного неизбежно концентрирует при этом не только саму потребность, причем не только во введении, но и в дальнейшем использовании мер и видов государственного принуждения в отношении виновного лица, но также, впрочем, и сам выбор возможных, а самое главное, доступных для этой цели применения мер социального диктата. Именно наличие последних и предоставляет реальную возможность со стороны государственного аппарата предложить населению определенную гарантию безопасности его существования.

Следовательно, приобретает особую значимость и явная необходимость научного изучения, исследования и понимания сути и содержания неизбежно возникающих проблем, причем не только в процессе самой криминализации общественно опасных, но также и декриминализации уголовно наказуемых деяний [2, с. 3].

Впрочем, в современной юридической литературе проблемам как криминализации, так и декриминализации посвящено немало научных трудов [3, с. 3], чего в свою очередь не скажешь в отношении таких уголовно-правовых институтов, как пенализация и депенализация.

Видимо, последнему способствовало распространение в научной среде мнения о том, что пенализация выступает в качестве составной части процесса криминализации общественно опасного деяния.

Однако, пенализация как уголовно-правовой институт обладает и вполне самостоятельным значением, причем не только для законотворческой, но и для правоприменительной деятельности правоохранительных органов современной России [1, с. 3].

При этом сам термин «пенализация» не находит не только своего определения, но и закрепления в тексте ныне действующего уголовного законодательства.

Как следствие последнего, некоторые из числа отечественных авторов настаивают на том, что «...пенализация... состоит в установлении принципов и критериев применения наиболее строгого государственного принуждения за деяния, признаваемые преступными; в формулировании целей уголовного наказания; в определении его видов и размеров; в предложении иных мер уголовно-правового

характера, необходимых и достаточных для воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния» [4].

Иные исследователи указывают на то, что пенализация есть «установление в законе и реализация на практике видов и размеров наказаний, применяемых за определённые преступления» [5].

Третья группа правоведов под пенализацией понимают сам «...процесс установления уголовной наказуемости деяния» [6, с. 123].

Фактически аналогично определяет пенализацию и четвертая группа авторов. Она, по их мнению, составляет «...процесс установления характера наказуемости криминализированных деяний законодателем, а также процесс назначения наказания в судебной практике» [1, с. 8].

Подвергая анализу перечисленные нами точки зрения, П.В. Агапов, в свою очередь, отмечает, что вполне «...можно выделить два аспекта пенализации.

Первый аспект заключается в конструировании санкции уголовно-правовой нормы.

Второй – связан с практикой назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера за соответствующее общественно опасное деяние» [7, с. 36].

С этим в целом следует вполне, по нашему мнению, согласиться.

Поскольку в полном соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ в качестве обязательного признака преступления выступает в том числе и уголовная наказуемость, необходимо согласиться с тем, что и в составную часть самого процесса криминализации входит в том числе и пенализация.

Впрочем, последняя не может ограничиваться исключительно установлением вида и размера наказания за совершенное преступление. Пенализация предусматривает в своем составе также и сам процесс внесения как в систему уголовных наказаний, так и в санкции действующего уголовного законодательства определенного рода изменений, направленных в свою очередь в том числе и на их реальное крещендо [6, с. 127].

Таким образом, необходимо указать, но то, что ни одно из вышеизложенных доктринальных определений пенализации нельзя признать объективно оптимальным и, более того, вполне достаточным.

Мы в свою очередь, явно воспользовавшись первым из них, предлагаем следующую дефиницию: «Пенализация есть процесс, т.е. имеет не только свое фактическое начало, но и конечный результат, который в свою очередь материализуется через:

– установление принципов и критериев применения наиболее сурового со стороны государства принуждения за общественно опасные деяния, признаваемые законодателем преступными;

– конкретизирование им целей уголовного наказания;

– структурировании его видов и размеров;

– предоставление иных мер уголовно-правового характера, не только необходимых, но и вполне достаточных для воздействия на виновных лиц, совершивших социально негативные деяния» [8, с. 14].

Учитываемые в процессе пенализации (депенализации) деяния, факторы, согласно довлеющему в российских уголовно-правовой и криминологической доктринах мнению, довольно социально разнохарактерны и в полном объеме нигде прямо не фиксируются.

Они включают в свою структуру весьма различные представления, существующие ныне в российском обществе, о:

- социальном потенциале уголовных наказаний,
- соразмерности преступления и наказания,
- реальном отношении населения к преступникам: кто он – герой, жертва или просто подонок,
- тесситуре рецидива преступлений,
- экономическом потенциале общества, обуславливающим реальную возможность последнего обеспечить исполнение того или иного вида наказания,
- пенитенциарной компетенции других государств,
- персональном историческом опыте самого российского государства,
- показателях отечественной педагогики и психологии,
- уровне, динамике, структуре преступности,
- многом другом [8, с. 13].

Список источников

1. Антонов И.И. Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004.
 2. Густова Э.В. Криминализация и пенализация как формы реализации уголовной политики. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 3. Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980.
 4. Лопашенко Н.А. Пенализация преступлений против собственности: состояние и проблемы. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 5. Основания уголовно-правового запрета. М., 1982.
 6. Коробеев А.И. Советская уголовно правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1982.
 7. Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
 8. Валеев М.Т. Пенализация общественно опасных деяний как теория // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 10-15.
- © Агафонов Александр Владимирович, 2025

Борков В.Н., доктор юридических наук, профессор

О ГУМАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Граждане объединяются в государство в поисках справедливости и гуманизма. Современное философско-правовое понимание гуманизма акцентирует внимание на защите прав человека и имеет не только юридические, но и социокультурные, нравственные и этические характеристики. Сложно назвать иную сферу, где гуманизм был бы настолько востребован, как в реализуемой государством уголовной политике. Гуманизм и справедливость дополняют друг друга в процессе учета интересов и мнения общества не только при признании деяния преступным и его криминализации, но и при формировании системы уголовно-правового воздействия в целом. «В основе достижения любой совершенной формы организации общества, – пишет Г.Е. Москаленко, – лежит идея социального единства» [1, с. 340–341]. Реакция

государства на преступление не может ограничиваться карой для лица, его совершившего, важно защитить потерпевшего как от повторения аналогичного посяательства в будущем, так и от ощущения потерпевшим несправедливости меры и характера осуществляемого воздействия на преступника. Негативная оценка конкретным потерпевшим и обществом оказываемого государством уголовно-правового воздействия, угроза их безопасности может иметь место при освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности и наказания, а также если характер наказания не способствует достижению законных целей [2, с. 308–312].

Уголовно-правовое содержание гуманизма, заключающееся в «обеспечении безопасности человека» (ч.1 ст.7 УК РФ), предполагает защиту граждан от общественно опасных посятельств, а также от угрозы их повторения в будущем. Именно такой смысл в реализацию комментируемого признака вкладывает судебная практика. Например, Верховным Судом РФ без изменения был оставлен приговор, вынесенный в отношении Берлезова А.А., который совершил мошенничество, лишив потерпевших жилья, а затем убил двух человек, для того чтобы скрыть совершенное посятельство. «Конкретные обстоятельства совершенного убийства, – констатировала высшая судебная инстанция, – установленные по настоящему уголовному делу, свидетельствуют об опасности (суд первой инстанции небезосновательно использовал формулировку «исключительная опасность») Берлезова А.А. для общества... Согласно ч.1 ст.7 УК РФ уголовное законодательство обеспечивает безопасность человека. Поэтому нельзя согласиться с доводом апелляционных жалоб о несоблюдении принципа справедливости и гуманизма при назначении Берлезову А.А. наказания в виде пожизненного лишения свободы» [3].

Гуманизм призван выступить в качестве не только ориентира, но и повседневного измерительного инструмента как для правоприменителя, так и для законодателя. «Ответственное государство не только признает публично-правовую значимость прав и свобод индивида, но и обеспечивает их реализацию путем принуждения остальных граждан к правомерному поведению» [4, с. 338]. Так, в Конституционный Суд РФ обратились гр. О.А. Балукова и гр. Ю.М. Чернигина, первая являлась потерпевшей от угрозы убийством (ст. 119 УК РФ), – вторая от истязания (ст. 117 УК РФ). По мнению заявителей, ст. 53 УК РФ «Ограничение свободы» в меньшей мере, чем ст. 105¹ УПК РФ, обеспечивает защиту прав потерпевших на личную неприкосновенность. Если в рамках меры пресечения обвиняемому «...были установлены запреты находиться в определенных местах, в том числе ее проживания и работы, а также ближе 500 метров до указанных объектов, общаться с ней, включая общение при помощи средств связи и через интернет, направлять в ее адрес почтово-телеграфные и иные отправления...», то к осужденному не были применены «...запреты, связанные с нахождением в определенных местах, в том числе ближе установленного расстояния до конкретных объектов, если таковые соотносятся с потерпевшим (место его жительства, работы или учебы), общением с определенными лицами (в частности, с потерпевшим), а также приближением к потерпевшему, т.е. нахождением ближе установленного расстояния...» [5]. Позиция Верховного Суда РФ в связи с жалобой потерпевших состояла в следующем: «...доводы об установлении осужденному дополнительных ограничений удовлетворению не подлежат, поскольку суд не вправе возложить на